

**Счастье
быть
русским**

Александр Бабин

Александр Бабин
Счастье быть русским

«Издательские решения»

Бабин А. Ф.

Счастье быть русским / А. Ф. Бабин — «Издательские решения»,

Герой, не по годам развитый мальчик из деревенской семьи, хочет стать счастливым человеком и ищет на небе волшебные слова, о которых ему рассказал отец, он их находит. Вспышка света, опускается небо, на куполе множество слов народов нашей планеты, пульсирующие цифры, все это он видит воочию. Рассказы о детстве, Неведомом голосе, поведавшем ему заветные слова... Видит кадры о дальнейшей судьбе России, как при просмотре фильма... Вот суть предстоящего повествования.

© Бабин А. Ф.

© Издательские решения

Счастье быть русским

Александр Федорович Бабин

© Александр Федорович Бабин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга Александра Бабина – первая в его творческой судьбе. Неприсяжные рассказы о детстве, неведомом Голосе, поведавшем ему заветные для каждого русского человека слова, – вот суть предстоящего повествования.

«Русский по духу человек – это не тот, кто имеет определенный цвет кожи, этнические корни или цвет волос. Русский человек – это тот, кто не будет спать спокойно, если знает, что где-то есть несправедливость. Русский – это тот, кто будет искать правду-истину до конца. Русский – этот тот, кто по совести оценивает все происходящее и имеет свое мнение по всем затрагивающим его вопросам.

Слова «у каждого своя правда» придумали либералы, плюралисты. Они – не русские по духу люди».

Лев ТОЛСТОЙ

«Клянусь вам честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество, ни иметь другой истории, чем история наших предков, как ее послал нам Бог».

Александр ПУШКИН

Прежде чем я начал писать книгу, передо мной встал вопрос о ее названии. Вариантов было много: это и «Главные слова в жизни», и «Слова на небе»... Но все время какая-то внутренняя сила толкала меня на написание слова «русский». В процессе работы над книгой я все больше убеждался, что ее название «Счастье быть русским» было единственно правильным, ибо оно в полном объеме отражает суть моей истории. Может, счастье – это родиться китайцем, американцем, не знаю, но я в этой книге хочу донести до вас свое видение – быть русским.

Главное, успеть рассказать об одной истории, которая произошла с маленьким мальчиком, то есть со мной, что и подтолкнула к написанию книги. Этот непредвзятый рассказ по сей день не дает ответа, а только ставит вопросы: почему выпало мне, а не другим, сначала услышать, а потом и увидеть то, что миллионы людей, ученые, историки, археологи не одно столетие ищут и не могут найти.

Сейчас, с высоты прожитых лет, я понимаю почему. Я расскажу о своем детстве, простых людях, их жизни в русской деревне в 60—70 годах прошлого века. Вам будет интересно ее читать, особенно школьникам. Это как очередной урок истории в общеобразовательной школе, только рассказанный не учителем, а участником событий того времени. Отложите на полчаса свои смартфоны, ноутбуки, прочтите первые несколько страниц и увидите, что, то время, в котором жили ваши ровесники, было не хуже, а в какой-то степени лучше, интереснее. Рассказ послужит примером в дальнейшем, особенно – при выборе своей профессии, формировании жизненных ориентиров, поведении в социуме. Поверьте, читая эту книгу, вы будете понимать, что многое делали раньше не так, особенно в отношении со своими родителями, с окружающими вас людьми, как отличались приоритеты моральных, материальных ценностей того времени и нынешнего.

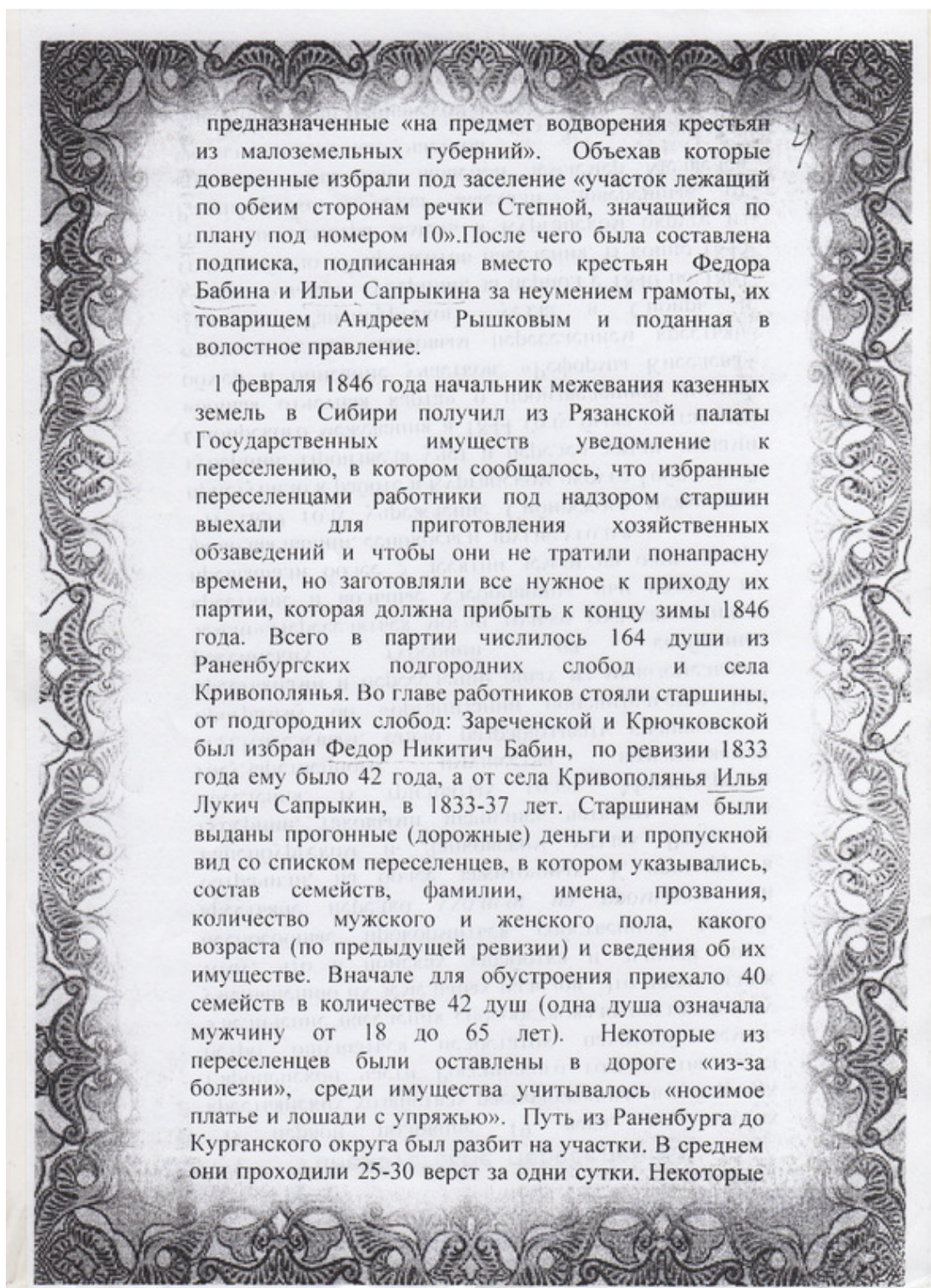
А происходили все эти события в маленькой деревне с красивым названием Ключики, что находится в Курганской области. Курганская область – область за Уралом. Поэтому край

наш зовется Зауралье. Сказать, что в России таких деревень насчитывается сотни тысяч, наверное, было бы неправильным.

Таких, как Ключики, единицы! Небеса наградили ее живописной природой, сравнимой разве что с лучшими кадрами фотосъемки, сделанной в горах Швейцарии. Почему – Швейцарии? Да просто по ландшафту они схожи. Только в Швейцарии настоящие горы, а у нас в деревне холмы. Но почему-то все жители называют их горами. Есть, к примеру, Монахова гора. Вы скажите: странное название... Но на ней в начале века когда-то стоял дом и в нем жили монашки местной церкви. Минина горка... Всего лишь несколько домов, в которых проживают люди с фамилией Минин. Есть горы, названные по своей рельефной структуре. Крутенькая горка... Красивое название. Но когда наступает осень и льют дожди, а зимой на ней лежит снег, то она становится капризной. Чтобы на нее подняться, нужно приложить немало физических усилий. На этих холмах в своей природной красе величаво стоит лес, в котором дружной семьей русские белоствольные березки соседствуют с соснами вперемешку с кустами рябины. Холмы пересекают глубокие рвы. Весной по ним бегут горные ручьи, гул от которых слышен далеко в округе.

Так вот, между этими холмами и на них расположилась моя деревня. Улиц, как таковых, нет, если только небольшие, в несколько домов. Это природный ландшафт внес свои коррективы. Но это было и уникальностью деревни при ее строительстве, потому что каждый житель, которому на душу легла местность, строил свой дом с приусадебным участком как придется, но с учетом его сбережения.

Мой рассказ о маленькой Швейцарии был бы неполным, если бы я не рассказал о реках, которые берут начало из недр земли неподалеку от деревни. В устьях рек и по всему руслу имеются подземные ключи. Вот поэтому наши предки и назвали деревню – Ключики.

Лист из исторического документа об образовании деревни Ключики.

Речушек немного, всего лишь четыре, но они, как бы сговорившись между собой, разделили деревню на части, дав понять жителям, что для полной природной гармонии на картине под названием «Ключики» именно такой и должен был сюжет. За околицей реки соединяются в одно русло и продолжают свое путешествие. Старики называют деревню Берендеевом царством. Наверное, у них это ассоциируется с русскими народными сказками. Я в процессе своего рассказа еще вернусь к описанию природы, ибо в двух строчках эту красоту не описать.

Возраст моей деревни небольшой. Из архивных источников, которые хранятся в районном музее, такие места осваивали свободные люди-переселенцы из центральной России. Освоение Сибири в то время для государства было задачей номер один. Не освоишь территорию ты, освоят другие, только вот потом выселить их с нее будет проблематичнее. Вот архивные данные о зарождении моей деревни...

Одним из ее основателей был мой прапрадед, Федор Никитич Бабин. О событиях тех лет так написано в архивных документах:

1 февраля 1846 года начальник межевания казенных земель в Сибири получил из **Рязанской палаты** Государственных имуществ уведомление к переселению, в котором сообщалось, что избранные переселенцами работники под надзором старшин выехали для приготовления хозяйственных обзаведений и, чтобы не тратили понапрасну времени, но заготавливали все нужное к приходу их партии, которая должна прибыть к концу зимы 1846 года. Всего в партии числилось 164 души из Раненбургских подгородних слобод и села Кривополянья. Во главе работников стояли старшины от подгородних слобод: от Зареченской и Крючковской был избран **Федор Никитич Бабин**. По ревизии 1833 года ему было 42 года. От села Кривополянья – Илья Лукич Сапрыкин, 33—37 лет. Старшим были выданы погонные (дорожные) деньги и пропускной вид со списком переселенцев, в котором указывался состав семейств, фамилии, имена, прозвища, количество мужского и женского пола, какого возраста (по предыдущей ревизии) и сведения об их имуществе. Вначале для обустройства приехало 40 семейств в количестве 42 душ («одна душа» означала возраст от 18 до 65 лет). Некоторые из переселенцев были оставлены в дороге из-за болезни, среди имущества учитывалось «носимое платье и лошади с упряжью». Путь от Раненбурга до Курганского округа был разбит на участки. В среднем они проходили по 25—30 верст за одни сутки».

Неправда ли, интересный стиль написания текста, который взят из архива библиотеки, как сильно отличается он от современного. Я еще вернусь к становлению моей деревни в процессе рассказа, а сейчас не терпится рассказать, с чего же все началось.

Жили мы всей нашей дружной семьей в одном доме. Это: мои родители – отец Федор Михайлович Бабин, мама Анна Семеновна, в девичестве Сергеева, дедушка Михаил Самойлович Бабин, бабушка Татьяна Андриановна, два моих брата Михаил и Василий, и самый уважаемый член семьи – прапрабабушка Евгения Никитична, которую мы, ребяташки, называли баба Еня. Прапрабабушка родилась в 1870 году. Хорошо помню, как она говорила: «Я родилась в один год с Лениным». Были еще два члена в нашей семье, это маленькая дворовая собака Жучка, которая жила в будке у крыльца, и кошка Муся, но ей было позволено жить в доме. Отец с дедом строили недалеко другой дом, так как в этом было уже тесновато, но нас, маленьких детей, все устраивало. Всегда кто-нибудь в доме покормит, помоем и уложит спать.

Дом, в котором мы жили, стоял на пригорке. Вокруг него справа, слева, и напротив, были примерно такие же одинаковые дома. Со слов деда, а он 1903 года рождения, дом был построен еще в начале века из сосны, диаметр бревен составлял около 60 сантиметров. К нему был сделан прируб, но уже из бревен меньшего диаметра, так называемая – изба. Такие дома из огромных бревен сейчас никто не делает, да и зачем, везде отопление современное. А у нас на кухне стояла русская печь и печь-«голландка» в горнице.

Слева направо (здесь и далее): брат Василий, мама-Анна Семеновна, отец-Федор Михайлович, брат Михаил. Меня в планах еще не было.

Горница – это как сейчас зал в квартире. Красивое название «горница», в ней отдыхали только вечером, днем было запрещено лишний раз в нее заходить. Еще были так называемые сенцы, это тоже прируб к дому, но они зимой не отапливались, летний вариант помещения. Сенцы были разделены на две части. В одной комнате стоял большой сундук и кровать. Летом прабабушка там отдыхала. А вторая половина была сделана под кладовку, для хранения продуктов.

Вечером семья собиралась на кухне, которая была очень просторная, больше по размерам, чем горница. Вечерами в ней происходили удивительные события...

Мы с братьями размещались на печи или на полатах. Полаты – это второй ярус на кухне, изготовленный из досок, между русской печью и стеной от входа в дом. Полаты были большими, на них могли бы разместиться четыре взрослых человека, ну, а для нас, маленьких ребятшек, это был целый аэродром. Для удобного отдыха полаты были застелены дедушкиным овечьим тулупом, это обыкновенная шуба, только большого размера. Здесь же лежали отслужившие свой срок другие носильные вещи. Тулуп был предназначен для зимних поездок в санях.

В то время гужевой транспорт был практически основным, а с тулупом в дороге любой мороз не страшен. Им можно было укрыться сразу двум взрослым пассажирам.

И вот однажды, осенним вечером, на посиделки, или, как у нас еще их называют в деревне, «вечорки», пришли наши родственники: дед Сема Гальцев и его жена баба Ганя. Дед Сема был в деревне лесником, а это значит, как его шутливо называли – «второй человек после Генерального секретаря КПСС». В его власти находился весь лес, а кто им владеет, тот владеет всем миром. «Лесникам деньги не давать, сами себя прокормят», – еще царь Петр Первый триста лет назад говорил о такой профессии.

Дед Сема любил привирать. Жители деревни это знали и делали вид, что верят. У него и кличка была «Сема-верич». Но он был добрым, отзывчивым человеком. В народе про таких

людей говорят «рубаха-парень». Он частенько был «навеселе» после удачной продажи леса на «сторону». «Сторону» эту все знали, пользовались ей, всем было выгодно: не нужно оформлять никаких лишних бюрократических бумаг, бутылка спиртного в то время решала все вопросы. Каждый в деревне на крайний случай имел ее в своем «кошельке». Расчет бутылкой распространялся на все виды работ, которые были на тот период в крестьянском хозяйстве.

Как всегда, дед Сема, отец и дедушка Миша разместились на лавках вокруг кухонного стола, а моя бабушка и баба Ганя в «кутье», это часть кухни около русской печи.

Вам, наверное, интересно узнать, почему я использую такие непонятные слова? Да потому, что они были в лексиконе того времени, так общались простые русские люди.

Брат Михаил, дедушка Миша, брат Василий.

Мама, как всегда, была в горнице и вязала носки, а их нужно было связать несколько штук, одни мужики в доме, и каждому потребуются зимой не по одной паре. Поэтому этим занятием она занималась практически каждый вечер.

На улице еще было тепло, так называемое в народе «бабье лето». Дни становились короткими, ночи длинными, поэтому, чтобы скоротать вечер, и были посиделки. Большие летние крестьянские заботы позади, сено коровам накошено, в огородах урожай весь убран, дрова на зиму заготовлены, пришло время отдыха.

Вы, наверное, подумали, был ли у нас телевизор? Отвечу, нет, ведь электричества в доме не было, как и во всей деревне. Вместо светильников в доме были две керосиновые лампы. Когда вечерами их зажигали во всех комнатах, света было, как на современном шоу. Но обходились одной, даже читали книги.

Старший брат Михаил уже учился в школе, ему приходилось делать домашние уроки, поэтому включали вторую лампу в горнице.

На кухне и в горнице были «божницы». Это в углу комнаты небольшие полки, предназначенные для икон, на них лампадки, по церковным праздникам их зажигали. В них нали-

вали подсолнечное масло, а в середине их имелся фитиль, который и использовался вместо горения свечи. Дедушка с бабушкой были людьми верующими, поэтому лампадки по церковным праздникам не гасились и днем. Дедушка окончил школу при нашей деревенской церкви, и каждодневное пение молитв было для него обычным делом.

Я потом еще вернусь и расскажу, как он учился в ней, с его слов – это были счастливые годы. Раньше за плохое поведение на уроке из класса не выдворяли, а ставили на колени в угол класса на горох, который был рассыпан на полу. Он был предназначен для «быстрого» понимания и осознания, как правильно вести себя на уроке. Плюс для «дополнительного понимания», как вести себя на уроке, батюшка мог рассказать отцу, а это уже преследует другое наказание, более убедительное, правда, не словами, а через другое место. Через это «место» всегда быстрее доходит...

Вот такие были реалии воспитательного процесса того времени. Опять я отвлекся от самого главного...

Так вот, чтобы вам было легче воспринимать рассказ, напишу немного о себе, так как рассказ мой будет более реалистично вами восприниматься, ведь все мы когда-то были маленькими. Но я в этот вечер повзрослел не на пять и не на десять лет, а на всю жизнь... Как будто сознание взрослого человека вошло в меня и стало воспринимать все вокруг по-другому, а как – я напишу после описания моего автопортрета.

Было мне в то время годика два с «хвостиком». У меня уже был «большой» жизненный опыт. Помогал дедушке и бабушке по хозяйству, мне доверяли пасти гусей с маленькими гусятами, а это ответственное дело, тут нужен глаз да глаз. Гусята могли убежать, спрятаться в траву, а там может кошка с ними поиграть, да и вороны летали, а это первые воры на деревне. Я уже самостоятельно кормил гусят молотым горохом, поил из блюдца водой, в то же время, играя с ними. А игра заключалась в том, что я горох клал на свою ладошку и протягивал к ним. Гусята наперегонки подбегали и клевали, щекоча ее своими клювами. Всегда со мной была «палка-выручалка», изготовленная из ивы. Ею было можно хищных птиц отогнать и гусака, главного, на тот момент, моего врага во всей деревне. Гусак – это вожак гусиной стаи. Он был защитником своей гусиной семьи и постоянно пытался меня ущипнуть. Иногда это удавалось, после щипка оставались на теле синяки. Я терпел, но и ему тоже попадало от «палки-выручалки». Хотя взрослые относились ко мне, как к ребенку, но все время напоминали: ты же мужик, совсем взрослый, ты же офицер, терпи щипки гусака. Приходилось терпеть, тем более дед служил «в действительной у самого маршала Ворошилова», как он любил говорить, да еще и в кавалерии. Военская часть находилась под Москвой, дед лично видел маршала, один раз ему посчастливилось даже поздороваться с ним за руку, когда был дежурным по части. Прошел всю Отечественную войну. Отец тоже служил, но уже после войны, в Германии. Дед одевал по праздникам военную гимнастерку, синие галифе и хромовые сапоги, которые начищал обувной щеткой так, что можно было в них смотреться, как в зеркало. Правда, пахло от них сапожным кремом на всю избу. Дед курил махорку и имел при себе кисет с вышивкой золотыми нитками «На Берлин!» Имел много наград, орден Красной звезды и целый ряд разных медалей.

Мне особенно нравилось носить на своей груди медаль «За отвагу», на которой был изображен танк. Родители дедушке говорили, чтобы он не давал медали нам играть, так как мы их могли потерять, сломать. Но дед не возражал, праздник 9 мая в стране еще не праздновали, и он относился к этому спокойно.

Только теперь я с высоты прожитых лет понимаю, что для него значили ордена, медали... Главное, чему он всегда радовался, что нет войны. Вернулся живой, хотя и весь израненный, в области головы был шрам от осколка снаряда. Дедушка был трижды ранен, дважды ранения тяжелые, так написано в его архивных документах. Но он о войне рассказывал мало, наверное, вспоминать о ней ему было тяжело.

При слове «офицер», если меня кто-нибудь так называл, у меня как будто вырастали крылья, я становился выше ростом, представляя себя одетым в военную форму и марширующим в строю на военном параде. Видя это, родители купили мне морскую форму. Форма была «настоящая»: это шорты на двух лямках, бескозырка с надписью «моряк» с двумя ленточками и нарисованными на них якорями. Это фото есть в книге. И по сей день, когда гляжу на него, у меня захватывает дух от «грозного» вида маленького защитника.

Почему форма моряка? Да просто в то время не было такого ассортимента одежды в магазинах. Жили все скромно, младшие в семье донашивали одежду за старшими. Но у меня морская форма была новая, и это придавало мне особый статус среди родных братьев. Михаил был постарше меня на шесть лет, а Василий – на два с половиной года. Когда погода была прохладная, родители заставляли меня надевать девчачьи чулки, так называемые гамаши, с чем я категорически был не согласен и плакал, говоря, что надо мной смеется Васёк. Так я называл среднего братика, который постоянно меня подзуживал, называл девчонкой. Васек был пошустрее, чем я, всегда везде успевал, был аккуратен, что меня и злило. Тем более, он всячески меня обманывал и не брал с собой играть, так как у него друзья были его возраста. Я за ним не успевал, и он, любым способом обманывая меня, оставлял с бабушкой дома.

Были еще у меня кое-какие обязанности: это на церковные праздники разнести бабушкины пирожки по соседям, чтобы они помянули умерших наших родственников. Разносил, в основном, бабушкам, которые жили одни, мужей у них давно не было: кто на войне погиб, кто после нее от ран скончался.

Это я – Саша Бабин.

Что интересно, я бабушкам давал пирожки, а они меня всегда тоже угощали, вынимая из своих сундуков конфеты или пряники с печеньем, от которых пахло нафталином. Вкуснота была неопиcуемая, по сей день такой вкуснятины не ел. Если пряник был черствый, то, придя домой, я его молотком на пороге раскалывал. Вода его уже не брала, так как он был старше меня года на три. От старости пряник был гладким, блестел на солнце, годы были беспощадны

к его сахарной начинке. Помимо этого, я помогал деду в его столярке, которая находилась под крышей нашей усадьбы.

Это занятие мне сильно нравилось, ведь я был на равных с дедом, он всегда хвалил меня за работу, называл настоящим мужиком. А такие слова так просто не даются, их надо заслужить, тут нужна не только сила, но и выносливость, которой я в то время «обладал» на уровне кандидата в мастера спорта по тяжелой атлетике. Все эти качества я приобрел благодаря спортивному тренажеру по заточке инструмента. Чудо техники состояло из деревянного корыта с водой и наждачного круга с ручкой.

Дед на какой-то маниакальной основе постоянно точил инструмент, топоры, лезвия для рубанков, стамески, которые называл почему-то «долотами». Можно подумать, что будто každодневная их заточка, была призвана повысить производительность труда. Инструмента было много, он висел на гвоздях, вбитых в стену, лежал на полках и столярном верстаке. Я подставлял табуретку к верстаку, так как мой рост не позволял дотянуться до него для удобной работы, брал рубанок и тоже, как дедушка, стругал. Уже мог делать рыцарский меч из штакетника, сабли из ивы, разные пистолеты.

В общем, вооружения у меня было на целый взвод. В нынешнее время органы полиции поставили бы меня на учет в свои криминальные картотеки, как склонного к изготовлению деревянного оружия. Особенно нравился коловорот, которым я сверлил все, что попадалось на моем пути, за что мне иногда попадало от деда. Мне нравилось им просверлить какое-нибудь отверстие, особенно в новых воротах, через которое можно было смотреть на улицу, замурив один глаз. Мир в нем виделся другим, более таинственным. Поверьте, я это знаю точно. Также помогал держать раскладной деревянный метр в дедовских плотницких замерах, когда он что-нибудь изготовлял на заказ. Были еще кое-какие обязанности: исполнял разные поручения взрослых что-нибудь передать соседям, покормить куриц, но, в основном, проводил время в кругу своих ровесников, которых вокруг было предостаточно. Но это другая история, которая требует более конкретного описания.

И все-таки, давайте вернемся к этому вечеру, где от услышанного рассказа у меня жизнь пошла по-другому, а как – попробую вам ее описать. Многие из вас просто этому не поверят не потому, что этого не может быть, а сошлутся на мой маленький возраст, детские фантазии, мол, видел во сне, разыграли взрослые. Смело могу вас уверить, что это правда, помноженная еще раз на правду. Почему решил рассказать сейчас?

Да потому, что служба в армии, затем институт, еще раз служба – и каждый год я проходил медицинскую комиссию. Если бы я психиатру поведал услышанную историю, то служба закончилась бы сразу, не начавшись. Это равносильно тому, что, когда бы космонавты или летчики после полета, поведали своим руководителям об увиденном НЛО, то на их карьере был бы поставлен крест. Да такой жирный, что не допустили бы даже аэродром подметать.

Дед Сема и отец вели беседу о лесных делах. Отец строил новый дом, поэтому ему было важно узнать, где какой лес растет, как его приобрести, какая будет ему цена.

Лес в то время берегли, купить за деньги его было практически невозможно, нужно было сначала в выходные дни отработать в лесничестве, и тогда уже выделяют несколько штук стволов для хозяйства. Каждая сосна, или, как ее у нас называли в деревне, «красный лес», была на счету. Контроль со стороны государства был жесткий, и не в любое время года в лес на транспорте пускали, так как при вырубке можно было повредить молодые деревья.

И вот, в разговоре они упомянули дядю Аркашу Васильева, который жил за нашим картофельным огородом. Он был, как дед Сема, тоже лесником, но в соседней деревне. Отец стал рассказывать, что они с ним одноклассники, играли в детстве, были друзьями. Дядя Аркадий однажды поведал историю, как он недалеко от нашей деревни, в горах, над верхушками деревьев, на небе видел слова, написанные золотыми буквами. Помимо слов, он еще слышал мужской голос, который сказал, чтобы он об этом никому не рассказывал, а то счастье обойдет его

стороной. Но он все-таки нарушил данное обещание, поведал об этом случае своим родителям и друзьям, а какие слова видел, не сказал. Где это гора, где этот лес? Со слов отца, они так у него и не узнали. Сами искали волшебные слова на нашей Ключанской горе, но не нашли. Потом, став уже взрослыми, иногда в шутку его спрашивали об этих словах, которые видел на небе, но Аркаша уклонялся от ответа.

Старший брат Михаил.

Когда отец стал говорить про слова на небе, да еще и написанные золотыми буквами, я сразу прекратил играть в свои детские игры. Какая-то химическая реакция стала происходить в моем теле, мне показалось, что я становлюсь взрослее лет на пятьдесят. Вокруг меня прямо перед глазами стали появляться разноцветные краски, но цвет их был не земной, более, что ли, яркий, сочный. Я стал слышать звуки, которые непонятно откуда исходили. Таких звуков я раньше не слышал ни по радио, ни от гармони местного гармониста дяди Миши Ермолова. Звуки по каким-то своим неземным законам превращались в мелодии. Жаль, что в моей голове не было записывающего устройства, сейчас можно было бы их сканировать и выпустить диск СД. Таких внутренних ощущений у меня никогда до этого не было.

Я стал видеть себя как бы со стороны, будто меня разделили пополам и дали в помощь двойника, и словно в мое тело поставили компьютерную программу, опутав внутри нитками, как на куклах в детском театре, и стали управлять мною, дергая за них. В голове возникла мысль, что меня взяли и поместили в рамку, в которой находится только Добро, и если я перейду эту черту, то тем самым нарушу границу, за которой находится Зло. Но мне это было делать запрещено, ведь я стал другим человеком, особенным, избранным, не спросили моего разрешения, хочу ли этого или нет. Избранным, непонятно кем и для какой цели. С этой минуты я просто должен подчиняться этим правилам. При отклонении от них буду чувствовать себя некомфортно, как нарушитель границы.

Все это произошло в какие-то секунды, я находился во власти того, кто всем этим процессом управляет.

В учебниках по судебной медицине и судебной психиатрии, психологии, которые я изучал много лет позднее, это называется по-простому – «крыша поехала». По крайней мере, так меня учили в институте, когда я стал взрослым.

И на какие-то секунды в тот момент я остолбенел. Оказывается, все эти годы я проказничал, нарушал космические законы, «прожигал» свои года, каждый день, играя в детские игры. А тут, оказывается, совсем рядом с моей деревней есть волшебное место и я об этом раньше не знал. Получается, мне, как маленькому ребенку, дедушка с бабушкой вечерами детские сказки рассказывают про какого-то Конька-горбунка, Царевну-лягушку да про Ивана-дурачка, который целыми днями на печи лежит, еще к тому же бездельник, даже его родная мать не может за водой спровадить. Сколько я времени потерял попусту за свою уже «большую» жизнь!

А тут открываются такие жизненные перспективы! Если я найду и увижу эти слова, то про меня снимут кино и покажут его в сельском клубе. Плюс про меня узнают все вокруг, даже в нашем районном центре Куртамыш. Слава обо мне пойдет по всем селам, как о полководце Чапаеве, который воевал в Гражданскую войну.

А Куртамыш – это вам не Ключики, он по размерам раз в шесть больше нашей деревни, современный город. Я с родителями в нем был уже неоднократно. Мне он нравился своей «индустриальной мощью», потому что там был аэродром с самолетами – «кукурузниками», которые взлетали рядом с шоссейной трассой. «Кукурузниками» их называли потому, что они применялись для опыления кукурузы на колхозных полях. Куртамыш был первым современным городом, который я видел в своей жизни и был уверен, что больше его по размерам нет городов на земле. В нем есть даже автобусный вокзал, деревянное строение столетней давности, несколько двухэтажных зданий. В магазинах продают мороженое не только в бумажных стаканчиках, но и в вафельных, а это уже вкуснота космического масштаба. И еще мои любимые тульские пряники.

Мороженое в нашем деревенском магазине иногда тоже появлялось, но только по большим праздникам и в малых количествах. Конечно, помимо мороженого, в наш магазин завозились и другие дефицитные товары. Правда, они завозились почему-то через пожарную заднюю дверь. Наверное, потому, что через центральную дверь их завозить категорически нельзя. У жителей нашей деревни при виде такого товара мог бы случиться инфаркт. А таковым было все: от сахара и до спичек. Спички и сахар, конечно, были не в таком дефиците, как одежда и обувь, но этот товар особый, он не для всех, только для элиты нашей деревни. Дефицит сразу расходился по известным адресам и по большому знакомству, а такими в то время были те, кто имел хоть какую-нибудь должность выше разнорабочего.

Первым таким адресом был управляющий нашего совхозного хозяйства. Его власть распространялась на все движимое и недвижимое имущество совхоза. Мог казнить, миловать, назначать на любые работы, не нарушая негласную конституцию, которую он сам же для себя и написал. Жаловаться на него в вышестоящие органы было бесполезно, он всегда был прав.

Контролирующие органы были обязаны ему тем, что он их «подкармливал», как хищников в зоопарке, мясом, которое, к тому же, выделялось на деревенскую столовую. Часть привозимого товара всегда принадлежала только ему. Про темные дела управляющего все жители деревни знали, но делали вид, что им про это ничего неизвестно.

Но, наверное, главное управляющего все же являлся совхозный конюх дядя Паша Плюхин. Под его властью были лошади нашей деревни, которых в домашнем хозяйстве содержать было строго запрещено. Государство подумало-подумало и решило, что, если крестьянам разрешить содержать лошадей в личном подворье, то государства, как такого, не будет, оно просто потеряет свою значимость. Зачем оно будет нужно, если крестьянин сам, на своем гужевом транспорте, используя его в хозяйстве, может обеспечить не только себя, но и других? А это государству не выгодно. Поэтому значимость конюха в иерархии «начальство» было высоко. Это как сейчас должность Президента страны. От Президента зависит: быть стране или нет. Так и от конюха: заготовишь ли ты вовремя на зиму дрова, сено и многое другое или положишь «зубы на полку». Так, по крайней мере, говорили в народе. Ну и, конечно, следующим «высокопревосходительством» был продавец магазина. Продавец магазина в то время – это как сейчас председатель Правительства России и его приближенные министры. Сами понимаете, быть у кормушки и не взять – невозможно. Продавец отличался от жителей села тем, что на нем всегда была такая одежда, которой в гардеробе ни у кого не было. Статус его был высок, количество приближенных к его телу было ограничено.

Извините, опять отвлекся немного от рассказа отца.

После услышанной истории я сразу же приступил к следствию. Стал расспрашивать отца, где они искали это место, перечисляя наши деревенские названия, которые на тот возраст знал. Искали летом, зимой, утром, вечером, днем или ночью, в какое время суток это все произошло? Отец ничего дополнить к своему рассказу не смог.

Я, конечно, не стал дожидаться утра, решил начать поиски, каждая секунда была дорога, выбежал во двор: может, сейчас, в эту минуту над своим домом на небе я увижу эти слова, хотя ни читать, ни писать не умел.

Кругом стояла ночь, а на небе только яркие звезды и луна, которая гостила прямо над трубой нашего дома.

Я уже знал на небе созвездие «Большой медведицы», которое мне показал старший брат Михаил. А он знал на небе не только «Большую медведицу», но и малую, но ее, в силу своего возраста, я найти еще не мог. Вышеуказанное созвездие находил за какие-то секунды, когда мы с отцом вечерами выходили посмотреть на звездное небо. Отец делал вид, что не может найти, я ему объяснял, как просто определить Медведицу среди других. Эти шесть ярких звезд я показывал пальцем на небе и, обводя их пальцем, рисовал ковшик. Почему ковшик? Мне так объяснил брат. Созвездие и впрямь похоже на кухонный ковшик, если соединить все звезды одной чертой.

Но ни около созвездия, ни на Луне и нигде далее никаких слов не было видно. Решил отложить свои поиски до утра.

Я вернулся домой, забрался на свои любимые полаты, лег на дедушкин тулуп и стал думать, как мне начать поиски волшебных слов. Деревня большая, лесов и гор много, за один день все не обойдешь. Но внутренняя интуиция мне подсказывала одно место, которое находится за околицей деревни. Я в этом месте уже бывал со своей бабушкой. Живописнейшие места! И там растет хмель, который обвивает кустарник, растущий по берегу реки. Бабушка заготавливала хмель на зиму и использовала его при приготовлении опары для выпечки хлеба. Я ей помогал в этом ответственном деле.

Сейчас выпечкой хлеба никто не занимается, можно все купить в супермаркете. Дрожжи раньше тоже были, но почему-то сельские жители использовали хмель.

От нашего дома это место находилось далеко, но я решил обмануть бабушку Таню, которая была главным надсмотрщиком надо мной. Мне для секретной экспедиции часа полтора будет достаточно, чтобы добежать и обследовать это место. А ей я скажу, что пойду к реке за камышом. Я из него изготавливал стрелы для моего индейского лука, сделанного из ветки ивы. Заподозрить меня в обмане она не сможет, так как стрел в моем колчане осталось немного, они были истрачены в каждодневных боях с «бледнолицыми американцами».

Меня без надзора старших уже отпускали не только до реки, тем более она была в 50 метрах, а даже дальше, но уже с Васьком. Но я решил не посвящать в свою секретную миссию даже Ваську. Поиски буду проводить тайно, тем более, в рассказе отца были точные инструкции – никому не говорить, а то не быть мне счастливым. А это серьезные требования, надо не упустить свое счастье.

План уже был готов, утвержден, обжалованию не подлежал. Надо было только побыстрей уснуть, выспаться и начать серьезное дело «государственной важности» – поиски волшебного места. Уснуть не удавалось, в голову лезли разные плохие мысли: вдруг кто-то в деревне пошустрей меня и найдет волшебное место? Ведь дед Сема, баба Ганя, да и братья слышали слова отца. У нас в деревне, если знают двое, то знает и свинья. Расскажут ребятишкам, а они быстро найдут и будут первооткрывателями.

Допустить этого я не мог. Надо было приготовить пути отхода: рассказ отца нужно каким-то образом зашифровать. Всем буду говорить, что он рассказал мне эту историю, как очередную сказку.

Решил так и действовать. Мол, взрослые меня разыграли, что и делали раньше. Особенно «мастером» в этом деле был наш сосед дед Володя Викулин. Приходя к нам в гости, разными способами он пытался меня обмануть.

Хорошо помню один случай. Однажды он сказал, что был в городе Куртамыше и купил слона на колхозном рынке. А потому пришел попросить, чтобы я нарвал для него крапивы, и тогда он разрешит мне его покормить. Слона, якобы, он купил для работы в лесу и собрался на нем возить бревна, и нужно его хорошо кормить.

Я, конечно, в его шутку поверил, пошел рвать крапиву, слон же больше коровы и ему нужно много травы. Об эту крапиву себе все руки обжег, на них кожа покрывалась шишками. А дед Володя смеялся до колик, был доволен, что обманул меня.

Родители целый день были на работе и об этих шутках не могли знать. Но если об этом каким-то образом становилось известно маме, то она была крайне недовольна и выговаривала деду.

Я в долгу перед дедом Володей долго не остался, контрудар был молниеносным. Проволокой я завязал дверную ручку на его калитке, которую он не мог открыть изнутри. Чтобы ее развязать, ему пришлось обойти свой картофельный огород и вернуться к дому, а это долгий путь. Еще до окончания операции я сделал наблюдательный пункт, который расположил напротив его дома в растущей конопле. Трава была такой высокой, что не было видно даже молоденьких телят, прячущихся здесь от жары. Дед Володя меня в таких зарослях тоже видеть не мог. А я с удовольствием наблюдал за тем, как он со своей женой бабушкой Мотей ругались, говорили, что пойдут в сельсовет и будут жаловаться участковому милиционеру. Думали, что им это сделали взрослые ребята. Счет стал «один-один», мы были с ним в расчете. На меня он подумать никак не мог, ведь в деревне такими «делами» занималась молодежь. Старшие ребята по-всякому развлекались, особенно – в ночное время: кому калитку дровами заложат, кому – ворота с петель снимут и на землю бросят.

Но эти пакостные дела были добрыми, шуточными, без злобы, передавались из поколения в поколение.

Я – не исключение. Это были мои первые «боевые» победы в сражении с соседом. Превосходство было всегда на моей стороне, сказывался «большой партизанской» опыт, который я познал, благодаря каждодневным военным учениям с ребятами во дворе. Мне медали и ордена за эти подвиги вручать было некому, но я представлял, что за каждый бой положен орден и сам себе вешал пару круглых репейных шишек на свою грудь. Они хорошо на одежде держались, были немного колючими, но я терпел. Если орден вручен, значит, надо его носить. Для парадности крепил еще пару шишек на плечи, обозначив тем самым офицерские погоны в звании генерала.

Но, строя свои завтрашние планы, я не заметил, как уснул.

Проснулся рано, можно было еще поспать. Но как можно спать, когда план по поиску волшебных слов уже утвержден. Медлить было нельзя, но нужно еще как-то обмануть бабушку. Родители уже были на работе, просыпались еще раньше, мама доила коров, отец по пути в сельсовет отгонял их в стадо.

Деревенская жизнь отличается от городской. Утром поспать тебе не удастся никогда. Корова своего доения ждать не будет до восьми часов, а то у нее молоко «перегорит». Так говорили взрослые. Природа берет свое, вот и приходилось каждодневно ее подоить до этого времени. Еще нужно успеть открыть курятник и выпустить из него куриц, насыпать пшена, воды налить, телят молоденьких в стадо отвести... Хозяйство требует ухода. Отпусков у коров и куриц не бывает, поэтому круглый год за ними требуется каждодневный уход. Летом прибавляется еще работа по огороду: нужно успеть полить огурцы и арбузы до первой утренней жары, в общем, огородные дела.

Незаметно уйти из дома мне не удастся, бабушка все равно заставит позавтракать и, пока не поем, во двор играть не отпустит. Придется ждать.

А работы у бабушки много: нужно вовремя тесто выложить на противни, чтобы приготовить хлеб и разную выпечку. Хлеб пекли в русской печи, в магазинах его не покупали, особенно мне нравились калачи, испеченные на поду.

На поду – это, когда калач выпекается, чуть ли не на раскаленных кирпичках внутри печи, а не в специальных формах для выпечки хлеба. После его испечения, с помощью пера от нашего гусака, его очищают от золы и угольков. Вкусноту такого калача словами не передать! Калач в печи подрумянится, нижняя корочка хрустывает, запах чувствуется не только в доме, но и по всей улице. Особенно он ощущается зимой, когда ты ранним утром идешь по улице и уже по запаху знаешь, что в каком доме готовят. Печная труба – это «предатель» для хозяев, все тайны выдает: пекутся праздничные пирожки с маком или варится суп из петуха.

Сейчас продукты купишь в супермаркете, особенно, если что-нибудь мясное, и не понимаешь, что готовится при варке – курица или уха, потому что все равно исходит запах рыбного супа. Коровы и свиньи, мне кажется, вообще выращиваются на аптечных складах, и ухаживают за ними не сельские жители, а врачи, вписывая в их рацион лекарства. Современные коровы свежую траву не пробовали, мне кажется, никогда.

Это утро не отличалось от других, придется ждать, пока бабушка меня покормит. Тут на грех Васёк проснулся, а это еще одно препятствие к осуществлению моего плана.

Васька так просто не обведешь вокруг пальца. Он, как охотник, найдет по следу и по запаху, у него было какое-то внутреннее чутье по нахождению меня. Он знал всегда, где и с кем я играю. Был у него, наверное, третий, так называемый, всевидящий глаз. Тут требуется корректировка плана.

Решение пришло моментально: покину свой двор через картофельный огород, а за ним конопля под два метра ростом, и он меня не в ней не найдет. По крайней мере, его всевидящий глаз не сможет своими радиоволнами меня запеленговать. И я буду уже далеко, в поле его недостижимости.

Бабушка подбросила дров в печку и сказала, чтобы я готовился завтракать, сегодня у нее по плану блины. Так что мне нужно умыться, почистить зубы и сходить в одно «место», которое находилось, как у всех в деревне, в задней части двора.

А добраться до этого «нужного места» не так-то просто, есть одно препятствие. Дорога к нему проходит мимо курятника, а там живет петух, это мой второй враг после гусака.

Петух был высокого роста, чуть пониже меня. Мне казалось, что ему уже лет шестьдесят. На его макушке был гребень красного цвета, похожий на помпон, как на спортивной вязаной шапке. Какими только красками не наградила природа его одежду из перьев... Все, что есть красивое у нее, досталось такому противному петуху. Кожа на его лапах была похожа на шкуру доисторического динозавра, вся в шрамах, так как он все время ими что-нибудь копал в земле, делая огромные ямы во дворе. И, если повезло, то и в огороде. Дедушке постоянно приходилось их заравнивать и гонять колом петуха с огорода. А если этого не делать, то двор давно бы превратился в военный полигон, как после бомбежки от снарядов. Поэтому, цену он себе знал, гордо ходил по двору, подняв свою, как он думал, умную голову. Имелся у него лишь один недостаток: любил подраться не только со своими соседскими петушиными братьями, которые нарушали его обозначенную, по его мнению, территорию, но и с людьми. Ему было безразлично с кем драться. Лишь бы был повод, а повод у него один: считал, что он во дворе главный, всегда прав, и все с этим должны считаться. Если к нам во двор заходил кто-нибудь из посторонних, петух, как собака, набрасывался на него, распушив крылья, касаясь ими земли, и каким-то охрипшим, злобным голосом кукарекал.

Крыльями бил по лапам, показывая таким образом, что шутки с ним обойдутся плохо. Посторонний, видя грозный вид петуха, бежал до калитки, но стоило ему ее закрыть, как петух со всего лета бился об нее и падал на землю, не понимая, что этим делом должна заниматься наша собачка Жучка, а не он.

– Как у него только голова не треснет? Когда-нибудь разобьется насмерть, – говорила баба Еня про драчуна.

Доставалось от него не только нам с братьями, но и бабушке Тане. Не знаю, какая кошка пробежала между ними, но он ее невзлюбил, постоянно набрасывался, бил своими крыльями, пытаясь клювом как можно больше нанести ударов по голове. Бабушка падала на землю, закрывала лицо руками и звала на помощь. Петух хоть на вид и грозный, но в душе был труслив и боялся бабушкиного крика. Он прекращал свои драчливые дела, но все равно всем своим видом показывал, что победа досталась ему. После этого и подобного случая у бабушки от петушиного клюва на руках оставались синяки. Она, как всегда, о нападении петуха жаловалась дедушке. Дед, недолго думая, брал свою алюминиевую трость и пытался хулигана ударить, бегая за ним по двору, но тот, зная в совершенстве «приемы каратэ», ускользал и уходил от ударов. Заканчивался бой, как всегда одним и тем же: петух применял запрещенные приемы, подключая свои крылья, и перелетал через забор на нейтральную территорию к соседке бабушке Александре. Там он успокаивался и, как ни в чем не бывало, возвращался во двор. Петух заранее все просчитывал на пять шагов вперед, все действия деда знал и предвидел. Все повторялось изо дня в день, поэтому он был готов к такой развязке и делал вид, что он смирился, что больше этого не повторится. Но это было ненадолго, его драчливые гены брали свое: никогда, никому и ничто петух не прощал и не забывал. Впоследствии его пытались заменить на другого петуха, но рождались такие же драчливые и злопамятные, как бандеровцы на Украине. Бандеровца может исправить могила, а нашего петуха только суп, сваренный из него же самого. Бабушка поговаривала, что нужно всю куриную породу в курятнике заменить или петухи когда-нибудь ее заклюют до смерти.

Я не так боялся нашего петуха, как бабушка, и всегда был готов с ним сразиться, опыт боевых действий уже имелся. Выйдя на крыльцо, осмотрелся, где тот находится. Во дворе его не было, значит, с утра увел свой «куриный народ» в картофельный огород: поклевать жучков

и паучков. Путь был свободен, но я все же подстраховался, взяв с собой «палку-выручалку». Обошлось без приключений, я вернулся обратно домой, бабушка уже успела испечь блинчиков.

Отец (слева) с товарищем в период службы в Германии 1952 год.

Да, блины из русской печи отличаются по вкусу от тех, что приготовлены на электроплите, в тысячу раз. На электроплите не блины, а одно только название, жидкое тесто, запеченное на сковородке. Безвкусная городская лепешка... Чтобы она хоть как-то была съедобна, ее нужно было чем-нибудь подсластить, добавить мед, сметану или еще хуже – нафаршировать икрой или чем-нибудь другим. А блины из русской печи не нуждаются в «пластических операциях», как женщины в салонах красоты. Все у них настоящее, не подкрашенное, не подмазанное, не подтянутое, и начинка не нужна. Пекутся на чугунных сковородках, и их не переворачивают, как при готовке на городской плите. Поэтому верхняя корочка у блина получается хрустящей. Блины из русской печи чуть-чуть пахнут дымком, в этом и есть их изюминка, преимущество перед городскими.

Васёк уже завтракал.

– С чем ты будешь кушать блины – со сливками или со сметаной? – спросила меня бабушка, при этом ловко сняв блин со сковородки и положив его на тарелку.

– Конечно, со сливками, – ответил я, трогая его руками.

Деревенские сливки по вкусу похожи на мороженое, хранятся в погребе. Там всегда прохладно, и они не пахнут пластмассой, как купленные в магазине. Городские сливки, которые мы покупаем сейчас в супермаркетах, проходят такой длинный «криминальный» путь от коровы до покупателя, что, если с ними «поговорить по душам», они расскажут много интересного о тех людях, которые прикасались к ним. Можно пару-тройку уголовных дел возбудить. А дело можно возбудить по факту: тут и перевозка молока в емкостях, которые дезинфицировались еще при «Царе-Горохе»; разбавление его водичкой из ближнего водоема для большего объема по пути на молокозавод. Плюс технологи тоже не без греха, приложат к нему свою «честную» руку», добавят ароматизаторы, чтобы сливки хоть как-то можно было есть, не морщась. Для «продления им жизни» потребуется еще пара элементов из химической таблицы Менделеева. Нужна будет пластмассовая упаковка из отходов производства... И тогда «качественный,

здоровый продукт» под названием «сливки» готов к употреблению. Такие сливки и молоко «полезны» особенно в детском возрасте». Употребляя их, ребятишки растут «здоровыми», медицина будет рада таким пациентам.

Решил позавтракать быстро, чтобы выйти из-за стола первым. А то Васёк успеет помешать. Только бы успеть выйти во двор – и я уже буду не под его контролем.

Блины были горячими. Обжигая пальцы и дую на них, стал, быстро есть, но мысли были об одном: как бы мне незаметно от всех покинуть наш двор. Пару блинчиков пришлось съесть. Бабушке сказал, что съел уже десять, что наелся, и пулей выскочил из-за стола, оделся и выбежал на крыльцо.

Петуха во дворе не было, можно было идти спокойно, взял «палку-выручалку» и выбежал в огород. Пролез между жердями в заборе и спрятался в конопле. Оглянулся, чтобы убедиться, не идет ли Васёк за мной по следу? Ведь он был хитрым, как «сто индейцев», его нюху позавидовала бы милицейская собака. Минуты две еще постоял, понаблюдал, первая часть моего «наполеоновского» плана сработала. Пора выбираться из конопли на улицу и продолжать путь. Выбежал из зарослей, по ходу движения поймал пару штук репья на свою одежду, которые, как назло, вцепились в штаны, мешая бежать. Но быстро их отцепил и направился к реке, где находился пруд. Чтобы сократить расстояние, мне можно было бы перейти реку и по навесным мостикам, изготовленным из досок. Но побоялся, так как они находились как раз напротив домов, где меня могли «перехватить» взрослые и не дать возможности продолжить экспедицию.

Жители деревни всех ребятишек знали в лицо – и без разницы, свой или чужой ребенок, все были под присмотром и считались родственниками. Пройти незамеченным было невозможно, этого я и боялся, но все обошлось. Стрелой пробежал по запруде и скрылся в зарослях травы. По берегу реки росла та же спасительная конопля под два метра ростом, лопухи и разные кустарники.

В зарослях нами, ребятишками, были сделаны партизанские тропы. Мы там играли в детские игры: «красные и белые», «в партизаны».

«Красные и белые» – это игра, где участвуют две команды, «чапаевцы» и «беляки» – белогвардейцы. «Чапаевцы» всегда побеждали потому, что ребятишки в этой команде были взрослее и разными способами обманывали младших. Они в свою команду набирали, в основном, своих ровесников, а «беляками» были мы, что помладше. Но иногда и нам удавалось быть победителями. Конечно, они спорили с нами и доказывали, что такого не может быть, чтобы «беляки» стали победителями. Так не должно быть по своей сути, «красные» имели преимущество, так как они дрались за справедливость, за простой народ, а «беляки» за богатых.

Когда играли «в партизаны», а эта игра серьезнее, чем «в красные-белые», никто не хотел быть «фашистами». Если к ним попадешь в плен, тебя обязательно начнут допрашивать, применяя разные пытки. Пытки заключались в том, что под охраной немца будешь находиться в шалаше, сделанного из той же конопли, и не сможешь, как все, участвовать в игре.

При игре «в партизаны» был у каждой команды командир. Быть им мечтали все ребятишки. Конечно, доставалась такая должность тому, кто был постарше. У каждой команды был свой секретный пароль, в основном, простой: «бомба, ракета, танк или пушка», практически все, что связано с армией.

Попадая в плен, надо было выдержать все испытания, но пароль врагам не выдать. Если его выдашь, тогда на твоей военной карьере будет поставлен «крест» и будешь считаться предателем. А это самое страшное, что может быть на свете, тем более, игра в этом случае считалась проигранной. С тобой никто не будет больше играть, поэтому все держались, как настоящие герои, не выдавая пароль врагу. Оружие было разное, от пистолетов до пулеметов, сделанных из дерева. При стрельбе из него приходилось громко кричать, чтобы противнику было понятнее, что ты первым его «застрелил».

Могли быть и ранения... Если половина твоего тела находилась за каким-нибудь укрытием, а другая часть видна противнику и он первым выстрелил, то обязательно будешь ранен. Нужно крикнуть, чтобы все слышали, что тебя ранили, а не убили. Тогда раненый имел право отстреливаться, но только оружие держать одной рукой. Но, когда сражаешься с врагом на саблях, сделанных из ивы, то ранения можешь получить в любое место своего тела, и тебе будет труднее вести бой. Если получил ранение в руку, то нужно взять саблю в другую и снова сражаться. Если ранение в ногу, то по закону игры нельзя было на ней стоять, нужно на одной вести бой до «последней капли крови».

Заканчивался бой тем, что ты, весь израненный, а все твои ранения известны противнику, ты уже не имеешь права продолжать бой. Поэтому нужно было упасть на землю, замереть, показывая таким способом, что ты погиб. Лежать надо было до тех пор, пока вся твоя команда не «погибнет» смертью храбрых.

Потом все снова оживали – и начинался новый бой. Так могло продолжаться часами, пока кто-нибудь не предложит поиграть в другую игру. Но про игры я еще расскажу, все-таки сейчас у меня была другая цель: без приключений добраться до волшебного места.

Итак, я дошел до Шахматовой горы. Как писал ранее, гора называлась по жителю, кто жил рядом с ней. Склон был очень крутым, нужно приложить все свои навыки альпиниста, чтобы подняться на нее. Опыт у меня был «огромный», как и у всех ребяташек нашей деревни. Все горы были неоднократно покорены. Без особых усилий я поднялся на вершину. На склоне увидел, что там пасется стадо коров. И надо же было такому случиться, но они перекрыли мне путь. В стаде, помимо коров, были двухгодовалые бычки, а это вам не петух и не гусак, они будут пострашнее, и убежать от них невозможно. Нужно что-то делать, найти правильное решение. Посмотрел вокруг, чтобы увидеть пастуха, но его нигде не было. Наверное, где-то отдыхал или по своим делам уехал на коне в деревню. Без его помощи пройти стадо не удастся, опыт контактов с бычками у меня уже был, правда, неудачный и с последствиями, тем более, совсем недавно, весной этого года.

Мой брат, Михаил, был очень начитанным человеком. Он знал все, что его не спросишь. Перечитал все книги в нашей деревенской библиотеке. Однажды он показал мне книгу, где, полистав странички, я увидел интересную картину: бой быка с человеком. Бык был огромного размера, а его соперник – простой человек. И назывался он тореадором. Тореадор имел красивую одежду, расшитую золотыми нитками, на голове шляпа и в руках держал плащ. На картине бой происходил на арене, вокруг которой находилось много зрителей. Такое действие популярно в далекой стране под названием Испания. Где находится эта страна, я, конечно, не знал, наверное, где-то за городом Куртамыш или даже дальше. Но я подумал, что такие бои можно проводить и у нас в деревне. Решил, что не буду откладывать это мероприятие на завтра, можно его провести и сегодня. Для этого у меня все имелось, искать ничего и никого не нужно.

Главный персонаж, испанский бычок, есть, зовут его Мартик, и живет он у нас в коровнике. Имя Мартик он получил потому, что родился в марте, ему было около трех месяцев. У него, как и у испанского быка, имелись рога, но небольшие. Они выглядывали из-под густой его шерсти. Вид у него не такой грозный, как у испанского быка, но другого на тот момент у меня не было, а провести бой нужно как можно скорее.

Во-первых, можно будет вечером похвастаться перед дворовыми ребяташками, рассказать о моей блестящей победе и о том, как легко стать тореадором. Во-вторых, в деревне до меня никто такие бои не проводил. И я автоматически становлюсь первооткрывателем, да и слава мне не помешает.

Вышел я в сенцы, с вешалки взял дедушкин старый пиджак и пошел к арене, где в то время мирно щипал травку Мартик. «Арена» находилась за нашим огородом. Это небольшая поляна, где посередине был вбит металлический кол. На длинную веревку с ошейником на шее,

как дворовая собака, здесь и был привязан наш Мартик. Он бегал вокруг столба, прыгал, показывая своим видом, что жизнь его прекрасна и удалась.

А жизнь у него была, наверное, лучше, чем у людей: на работу ему ходить не надо, в стадо тоже, так как не достиг своего «армейского» призывного возраста. Так что можно в любое время лечь на травку и помечтать. Но мечтать ему не давали. Мы с Васьком пытались на нем покататься верхом, как на лошади. Мартик был такой упрямый, что не давал нам его оседлать, Ваську иногда удавалось на нем немного прокатиться, но я так и смог его покорить, он бегал быстрее меня.

Мартик, как ни в чем, ни бывало, щипал свою травку. Подойдя к нему, я посмотрел в его хитрые глаза. Страха в них не увидел, только умиление. Он, наверное, подумал, что я его, как бабушка, буду поить молоком. Я развернул дедушкин пиджак, держа его «тореадоровскими» руками, и стал им размахивать перед его мордой. Он стоял смирно, глядя на меня и не понимая, что же от него требуется. Наверное, обдумывал, как ему поступить в этом случае, видя «тореадора». Я попробовал его подразнить. Набросил пиджак на его морду и своим грозным видом стал показывать, чтобы он выходил на честный бой. Вот тут-то я, весь в своей «тореадоровской» красе, ему покажу, как легко с ним справлюсь! И победа будет за мной.

Бычок был не испанский, а русский. И поэтому в нем никак не просыпался азарт настоящего бойца. Я ждал боя и представлял, как мастерски буду уходить в сторону, когда он будет на меня набегать, и не сможет задеть своими рогами. Кровь во мне кипела!

Бой продолжался, счет был пока в мою пользу. Я подумал, что мне нужно его обойти и, может быть, видя тореадоровский плащ, он отреагирует на него агрессивно. Только я сделал пару шагов, как у Мартика проснулись испанские гены, он резко повернулся в мою сторону и побежал ко мне лбом в лоб. Отпрыгнуть не удалось, веревка ударила по моим ногам, и я упал на землю, выронив «плащ». Мартик подумал, что бой нужно продолжать, и своей мордой стал катать меня по траве. И тут я понял, что без чьей-то помощи мне живым из боя не выйти... И стал звать на помощь.

Сколько по времени продолжался бой, я не знаю. Но на мой крик прибежала тетя Галя Курьянова, отогнала бычка и спасла меня. Я встал, голова кружилась, как после центрифуги, на которой тренируются космонавты. Тетя стала допытываться, хотела узнать правду, зачем я дразнил быка, так как весь бой видела, сидя на своей лавочке у двора. Пришлось ей объяснить, что хотел стать тореадором. Она не поняла, кто такой тореадор, взяла за руку и привела домой. О моем бое с быком рассказала бабушке. Бабушка, немного поругав, сказала, что в меня «вселился испуг» и надо его срочно убрать.

Бабуля диагнозы ставила моментально, так как была специалистом в области тех болезней, которые не подвластны современной медицине. Ее мозг обладал диагностическими способностями. Процедура лечения «от испуга» мне была известна до мелочей, я знал ее в совершенстве, мог уже сам вести врачебную практику. Я ее познал, сидя на своей печи и наблюдая за процедурой лечения больного, когда бабушка рано утром или поздно вечером в своей поликлинике под названием «кухня» проводила сеансы.

Бабушке небесный дар по лечению людей передался по наследству, так она, по крайней мере, говорила всем. Медицинского образования у нее не было. Ведь такого факультета – «небесный дар» – в институте нет. А он должен бы быть, так как поток больных к бабушке с каждым годом увеличивался, и ей в одиночку всех не удавалось вылечить. Дар ее распространялся только на лечение «от испуга» и вывихов суставов. Над другими видами болезней чары ее пропадали.

Были у нее еще кое-какие разновидности лечения человеческих болезней, но уже с применением полевых трав, которые она собирала везде. Бабушка знала все травы, росшие возле нашей деревни. Из собранных трав она делала веники, которые развешивала в сенях или под крышей дома. Из них варила в печи какие-то снадобья, сама пила, ну и, конечно, раздавала

родственникам и соседям. Деньги за лечение бабушка не брала, объясняя всем, что, если возьмет, то ее дар небеса могут забрать. А этого допустить никак было нельзя, это был ее крест на всю жизнь – лечить людей.

Для моего лечения «от испуга» требовался простой ковшик, наполненный наполовину водой, металлический бокал, церковные свечи, ножницы, листок бумаги и порог у входной двери в доме. Все это в бабушкиной поликлинике под названием «кухня» имелось.

Но нужно было дождаться вечера или завтрашнего утра, так как лечение будет более успешным, если процедуру проводить на закате солнца или рано утром. На дневное время бабушкины чары не распространялись.

Меня отпустили снова погулять во двор под присмотром Васька. Вечером бабушка затопила печь, в бокал положила свечи и поставила его на огонь. А мне сказала, чтобы я готовился к лечению.

Зная всю процедуру сеанса, я сел на порог и стал ждать, когда растают свечи. Через несколько минут они растаяли. Бабушка достала их из печи. Взяв в другую руку ковшик с водой, подошла ко мне и сказала, чтобы я не вертелся, сидел спокойно и не смеялся. Я замер, так как при лечении нужно себя вести ответственно. А то ее чары могут не подействовать. Держа ковшик над моей головой, бабушка вылила в него растопленные свечи, при этом говоря какие-то непонятные заклинания. Читала тихо, слова разобрать было трудно. Я молитвы ни одной не знал, но упоминание Бога в ее словах были. Закончив шептать, она подошла к окну, посмотрела на дно в ковшике и позвала меня. В нем я увидел лепешку непонятной формы, похожую на морскую медузу.

– Видишь голову нашего Мартика? – спросила бабушка, показывая всем своим видом, что лично она видит ее отчетливо.

Я внимательно посмотрел, но никакой головы не увидел. Тогда бабушка своим пальцем показала на край лепешки, где, по ее мнению, виделся образ быка. Я еще раз присмотрелся и увидел голову Мартика. По крайней мере, мне так показалось.

Бабушка сказала, что «испуг» из моего тела вышел и остался запечатленным в этой лепешке, сейчас я совершенно здоров и могу идти погулять. Но для закрепления всего этого таинства нужна еще небольшая медицинская процедура: обязательно снова сесть, но уже на лавку. На лавке я должен спокойно посидеть и не разговаривать. Бабушка взяла ножницы, выстригла кусочки волос с моей головы в области ушей и затылка, завернула их в листок бумаги и снова прочитала заклинания. Посмотрев на меня, поняла, что мне эта процедура стала надо-едасть и нужно заканчивать лечение:

– Сиди дома, а я пойду во двор и спрячу листок с твоими волосами, – сказала она.

Я подбежал к окну и стал смотреть, куда она понесет мои волосы. Ведь мне нужно было знать, какова дальнейшая их судьба. Все-таки это волосы не простого человека, а тореадора.

Бабушка зашла в загон для коров и скрылась в нем. После всего увиденного, я, конечно, был в коровнике, искал свои «тореадоровские» волосы, но не нашел, она спрятала их надежно.

Мой курс лечения продолжался три дня, после чего я был здоров, как наш бык Мартик, и снова был готов вести бой, но только не с ним. Родители категорически запретили мне продолжать бои с нашим бычком. Но я не сильно расстроился, ведь и без этого запрета было всегда много разных интересных дел. Да и бычок меня разочаровал. Ведь он – не испанский.

Почему-то утреннее время бежит не так, как дневное, а медленнее. Наверное, не проснулось после ночи. Но в это утро оно изменило своим принципам, летело, как стрела, выпущенная из моего «индейского» лука. Нужно было что-то делать, дальше продолжить путь, пробежать через стадо или возвращаться обратно домой. Чувство мне дало подсказку: начать поиски волшебных слов можно и с другой горы. А к тому месту, куда я направлялся, можно будет воз-

вратиться попозже. Ведь мною планировалось исследовать все горы, так что не будет ничего страшного, если я свой план я немного изменю.

Я стал спускаться вниз с горы, решил пойти и обследовать Громову гору. Она была самая высокая в нашей Ключанской горной гряде. На ее вершине местный экскаваторщик дядя Петя Андреев сделал кратер, из которого жители брали песок. Я тоже его брал для моих «научных исследований», которые проводил в своей лаборатории, находящейся рядом со слесаркой деда. По цвету, песок отличался от всех других разновидностей песка в нашей округе. Точнее – он был явно космического происхождения, ярко-оранжевого цвета, как Марс. Значит, завезен к нам на Землю инопланетянами. Я сделал этот научный вывод, сравнивая его с другими минералами в своей коллекции. Песок смешивал с водой, смесь заливал в металлические формы, сушил и получалось печенье.

В моей коллекции был не только песок, но и глина. Но не простая по своему свойству, а как пластилин, которого в нашем совхозном карьере тоже было предостаточно. Из пластилина я делал пистолеты и также сушил их под солнцем. Пистолеты получались надежные, твердые, как железо.

Еще в моей научной лаборатории находились алмазы, которые мне подарил старший брат. Алмазы настоящие, не поддельные какие-нибудь. От лучей солнца они даже сверкали, но недолго, всего лишь с неделю. Потом начинали потихоньку тускнеть. Наверное, потому, что они тоже были из глины, которая находилась в одном «секретном» месте по берегу нашей реки.

В процессе эволюции по неизвестным химическим законам глина превратилась в окаменевший кристалл. Михаил вместе со своим другом Колей Гальцевым нашли эти глиняные алмазы и открыли прииск. Про это место никому не рассказывали, они же не дураки, чтобы все ребятишки в деревне узнали, где находится прииск алмазов. Я просил, чтобы они взяли меня на прииск, посмотреть воочию, но получал отказ, это была их тайна. Алмазы хранились под крышей не только в моей лаборатории, но и на дедушкиных столярных полках. Количество их увеличивалось с каждым походом брата на прииск. Дворовые ребятишки смотрели на них и удивлялись, откуда у меня столько настоящих алмазов. Они все были сосчитаны, как в Госбанке. Деньги любят счет. А тут алмазы, контроль нужен двойной, мог и Васёк со своими друзьями их «прикарманить». У меня на них были грандиозные планы: когда стану постарше, продам их и на вырученные деньги куплю мотоцикл ИЖ-49, как у дяди Лени Минина. Номер 49 обозначал дату его изготовления: 1949 год.

Вот если есть на свете механизмы, от которых «стынет кровь», то это про этот мотоцикл, ибо он воплотил в себе настоящее мужское достоинство. Дизайн настолько продуман, что при взгляде на него от его красоты у меня захватывало дух. Особенно мне нравились его выхлопные никелированные трубы и исходящий из них рычащий звук, похожий на рычание медведя. На бензиновом баке находился маленький шкафчик для инструментов. Также можно было на мотоцикле переключать скорости, как ногой, так и рукой. Для ручного переключения скоростей на баке и был расположен этот механизм. А от красоты сидений можно было сойти с ума, это пик дизайнерского искусства. Их было два, одно – для дяди Лени, другое – для пассажира, расположенное на заднем крыле.

На этом сиденье дядя Леня нас, мальчишек, иногда и катал. Он был добрым человеком, любил детей, иногда пускал на кинофильм бесплатно. Дядя Леня был местный киномеханик, это – как сейчас руководитель первого канала на телевидении. У него был свой кабинет под названием «кинобудка», туда мог попасть не каждый мальчишка, а только тот, кто помогал ему нести культуру в наш ключанский народ. Счастливики имели право расклеивать афиши с объявлением начала кинофильмов на воротах домов по всей деревне. Очередь на эти должности была расписана на 10 лет вперед!

Ведь тот, кто имел доступ к его кинобудке, мог смотреть фильмы бесплатно на законных основаниях. Дядя Леня доверял им не только расклеивать афиши, но и свой киноаппарат, когда при показе фильма уходил на несколько минут покурить.

Вы думаете, что билеты на фильм были очень дорогие? Да, это было накладно для семейного бюджета, если смотреть две серии подряд. Это огромные деньги по тем временам: 10 копеек для взрослого зрителя и 5 копеек для детей. Но можно было сходить на фильм, не платя ни копейки: просто зайти в свой курятник, взять пару куриных яиц, прийти и купить на них билеты. Был и такой расчет за просмотр фильма.

Сразу было видно, интересный сегодня состоится в клубе фильм или нет. Определить нетрудно, просто оставались следы от разбитых куриных яиц. А это значит, что в зале будет полный аншлаг. Ребятишки, идя по дороге, дурачились, и не каждому удавалось донести куриные яйца до кассы для билетов. Кто-нибудь над тобой, да и пошутит: хлопнет по карману с яйцом или разобьет его об голову.

Если ты яйца не смог донести с первого раза, то с дядей Лней обязан рассчитаться ими в следующий сеанс. В его «черной книге посетителей фильма» ты будешь записан как должник куриных яиц. У него был план по их сдаче перед районным руководством.

Фильм интереснее смотреть, лежа на сцене. Экран находится совсем рядом, как будто ты сам становишься участником действий, проистекающих на твоих глазах.

Иногда мы, мальчишки, смотрели фильм по ту сторону экрана. Скамеек в клубе всем не хватало, помещение было небольшое, вот поэтому там были «дополнительные места». Ну, а если в вечерний сеанс шли кассовые фильмы «Волга-Волга», «Щит и меч» или «Чапаев», то небольшой деревянный наш клуб всех желающих вместить не мог. Тогда экран и аппаратуру располагали на улице, особенно в летнее время. Дядя Леня ставил ее на стол, а зрители выносили скамейки из помещения и садились на них, смотря не только на экран, но и на проходящее мимо стадо коров, возвращающихся с пастбища. Кому не доставались места в летнем зале, располагались рядом на траве. Вот тут мужики уже на законных основаниях закуривали свои папиросы «Казбек», дым от которых застилал весь экран. Женщины ругались, чтобы они не курили, все-таки это зрительный зал, хотя и на улице. Мужики с ними не соглашались, объясняли, что на улице курить можно.

Фильм шел по несколько часов, пленка постоянно рвалась, а так как для ее склеивания требовалось время и часть, от которой доставалась нам, сеанс заканчивался ближе к полуночи. Мы разрезали куски пленки на кадры и смотрели через нее на солнце. Вещь была бесценная! Можно было часть пленки от одного фильма поменять на другой, целая «киноиндустрия».

Поэтому, когда шел фильм, часть сцен в нем были вырезаны. Зритель таким качеством был недоволен, ведь все эпизоды ему известны и он знал их наизусть.

Зачем я вам все это рассказываю? Может, кто-нибудь из старшего поколения вспомнит добрым словом эти времена. Не такие они были уж и плохие... А молодому поколению интересно узнать часть нашей культуры.

Лена Иванова, баба Еня, брат Василий.

Итак, мой путь лежал к Громовой горе. Но, чтобы дойти до нее, нужно преодолеть еще два глубоких рва-оврага. Рельефную структуру этих рвов я знал досконально, они были, чуть ли «не облизаны» в процессе детских игр. И преодолеть их для меня не составило большого труда.

Громова гора называлась по фамилии жителя, который жил рядом с ней. Дядя Саша Громов – это наш местный художник. Он рисует не только пейзажи нашей природы, но и портреты местных жителей.

Добравшись до вершины, я немного приустал. Но время меня поджимало: мои домашние надсмотрщики в любой момент могут начать поиски. Нужно как можно быстрее поискать над горой волшебные слова. Но на небе их не было видно, наверное, я опоздал. Солнце уже высоко. Может быть, дядя Аркаша видел слова и не в этом месте, а в другом?

Сел я на траву и решил немного передохнуть. Стал смотреть на дым, который шел из печей. Подняться высоко-высоко на небо он не мог и расстилался над крышами домов, как настоящее облако. Мне казалось, что я как будто нахожусь на борту самолета и смотрю на землю через иллюминатор. На самолете я еще не летал, но мне об этих впечатлениях рассказывал отец.

Облако из дыма плыло подо мной совсем рядом, можно было разбежаться и запрыгнуть на него, побегать и покувыркаться. Главное, можно будет его потрогать, взять в руки или слепить какую-нибудь фигуру. Но этого сделать было нельзя, для этого нужны крылья, решил я. Решено: как приду домой, сделаю их и попытаюсь взлететь, хоть чуть-чуть – да покружиться над облаком.

Время меня поджимало, решил возвращаться домой. Но по пути нужно еще не забыть нарвать «индейские» стрелы из камыша, растущего по берегу реки. Побежал с горы, пытаюсь прыгнуть, как можно выше, и пролететь, и оторваться от земли хотя бы на метр.

Раньше я так уже делал и у меня получалось. Мне казалось, что, паря над землей, на какие-то секунды я превращаюсь в птицу, и притяжение Земли на меня не действует. Я был уверен, что каждодневные такие тренировки помогут мне преодолеть притяжение навсегда, и я буду летать тогда, когда захочу.

Спустился с горы, прошел Громовым переулком к реке, перешел ее через деревянный мостик, поднялся на крутой обрыв, где находился дом дяди Яши Плюхина, и осмотрелся. Мое отсутствие никто не заметил, и я побежал по направлению к своему капустному огороду. Добежав до него, перебрался через забор, сделанный из жердей, и прыгнул в огород.

Все, я был в безопасности. Никто не сможет меня заподозрить, что убежал так далеко от дома. Спустился вниз по земляной лестнице к реке, нарвал камыша и вернулся домой. Зайдя во двор, сразу зашел в столярку, взял дедушкины ножницы по металлу и стал резать ими крышку от консервов.

Во дворе увидел бабушку. Она несла ведро с водой, зашла в баню вылила ведро в бак, а потому затопила и печку. Мне показалось это странным. Всегда топили к вечеру, когда все возвращались с работы. А тут – с утра.

«Наверное, собралась белье постирать и хочет нагреть воды», – подумал я и продолжил работу.

Стиральных машин не было ни у кого в деревне, как и электричества. Все стирали в корытах на ребристых стиральных досках. Поэтому вода нагревалась в бане, обычная процедура.

Мне стиральную доску брать в руки, было категорически запрещено, так как на ней остались следы от моего музыкального гвоздя. Я на стиральной доске с помощью смычка под названием «гвоздь» «играл» произведения «Чайковского, Моцарта и седьмую симфонию Шостаковича»... Металл на доске рифленый, и, если проводить гвоздем по нему, издавались воистину космические звуки. По радио частенько слышал, как диктор говорил: «... послушайте седьмую симфонию Шостаковича...» Я внимательно ее слушал, и мне было понятно, что вот на этом отрезке мелодии идут фашисты по нашей русской земле в своих грязных сапогах и нагло улыбаются. Я мысленно представлял эту картину, брал доску и проводил по ней гвоздем, играя в унисон мелодии. Доска сильно царапалась, а потом на ней одежда рвалась. По этой причине я был лишен музыкального инструмента. Но у меня в запасе были и другие инструменты: это

ведра, висевшие на рогатине у крыльца, разные металлические бочки в саду. Звук, конечно, был не такой, как у стиральной доски, но у них имелись свои музыкальные краски.

Да, утро у меня началось в делах и заботах. Я нарезал ножницами из крышки треугольных отрезков, на наковальне с помощью молотка из них сделал наконечники и надел на камышовые стрелы. Они были легкими, летели далеко, точность попадания «стопроцентная». Лучше стрел из камыша в мире не найти.

Итак, я был вооружен и опасен, боекомплекта у меня хватит на пару боев с «бледнолицыми», остается только их найти и уничтожить. Для этого нужно еще откопать свой «томагавк», сделанный из доски с наконечником из куска металла, который был зарыт в огороде. «Томагавк» хранился в деревянном ящике, укрыт травой, и его найти было никому невозможно. Кроме Васька, который все мои секретные закладки находил по запаху. Наверное, в прошлой жизни Васёк был кинологом у собак, где ему и передан этот дар: нахождения предметов по запаху. А вот как убрать запах со своей тропы, я не знал, поэтому постоянно все перепрыгивал. Кроме «томагавка», в ящике хранилась и атрибутика «скромного, великого» индейца, то есть меня. Это головной убор из березовой коры с петушиными и гусиными перьями, воткнутыми в него.

Жаль, что у нас в России наши руководители государства и чиновники не носят такие уборы. Надев его, внутренне становишься чище душой, и ты уже обязан быть честным, смелым, защищать бедных, отдавая им последний кусок хлеба. У современных руководителей все наоборот: забрать, отнять, поделить, обмануть, и еще куча глаголов, и все в свою пользу.

У нас, у «индейцев», за эти качества – смерть. У современных чиновников наказание ограничивается домашним арестом в 12-комнатной квартире с видом на море или еще «хуже» – отправят куда-нибудь послом в «отсталые» страны, Швейцарию или Германию, а там скукота беспросветная. От посещения разных презентаций, художественных выставок, ресторанов, пляжей, горных курортов, катания на яхтах можно сойти с ума, такого наказания нормальному человеку не вынести.

Бабушка окрикнула меня, я ей ответил, что нахожусь в столярке.

– Я дойду до магазина, а ты побудь дома, баба Еня пойдет в баню мыться, скоро вернусь, – сказала она.

Ну, что ж, появился момент, где я буду не под присмотром старших. Есть возможность пострелять из лука во все, что есть во дворе. Но стрелы в этот день были не так точны, мысли о волшебных словах меня никак не покидали. Нужно как можно быстрее их найти, значит, нужно искать другие варианты.

«Может, мне сделать крыльца? Тем более, я их конструкцию знаю, видел ее в книге у брата Михаила, только вот нужно найти подручный материал для изготовления», – все рассуждал я. Уже представлял, как разбегусь с горы, поднимусь в небо и буду парить над деревней. Стоп! Меня же могут увидеть ребятишки, тем более – Васёк. У него глаз, как у орла, побегут за мной и узнают волшебное место. Нет, такой вариант мне не подходит. Пока сидел, строил свои планы, вернулась бабушка.

– Встретила управляющего, он попросил сегодня поработать на зернохранилище, так что играй во дворе, пока не вернутся старшие. А потом пойдем на ток.

На зернохранилище, или, как его называют, «ток», в уборочную пору привлекали всех жителей деревни для просушки пшеницы. Зерна собирали много, и его нужно было веять, то есть очищать от шелухи и проветривать. Я тоже иногда участвовал в этом ответственном деле, когда меня бабушка брала с собой. На зернохранилище снимал обувь и бегал по зерну босиком, утопая по пояс.

Ну что же, придется находиться дома. Взял свое увеличительное стекло под названием «лупа», которое подарил отец, березовое полено и сел на ступеньку крыльца. Небо чистое, солнышко светит ярко, можно и повыжигать на бересте. Настроил у лупы фокус и стал выжигать

звезду. Запахло дымком, который тонкой стружкой поднимался вверх. С бани вернулась баба Еня и прошла в дом.

– Шурик, подойди ко мне, – окрикнула она меня.

Я зашел в дом, она сидела на кровати и заплетала свои седые волосы в косу.

– Шурик, сбегай за бабой Мотей и скажи, что я ее зову к себе в гости, а сам где-нибудь поиграй, – сказала она, смотря в маленькое зеркальце.

Бабушка Еня была чистюля, поэтому и в бане мылась сегодня с утра.

– Ура! Меня отпустили играть! – закричал я так громко, как будто это разрешение случилось впервые.

Пулей выскочил из дома и побежал к соседям. Баба Мотя была во дворе.

– Баба Мотя, вас зовет бабушка Еня, попросила прийти в гости.

– Хорошо, – ответила баба Мотя и направилась к нашему дому.

Так, у меня появилось законно отпущенное время для игры, сбегаю и поищу Васька и его товарищей. Некоторые их секретные места я тоже знал...

Это рядом, за огородом, в растущей конопле. У них там был сделан шалаш. Это не просто какой-то туристический шалаш, а «партизанский штаб». В нем находилась вся атрибутика военного командного пункта. По бокам его стояли скамейки, сделанные из досок, под которые были подставлены пеньки. В углу – старая керосиновая лампа, несколько гранат, изготовленных из дерева и лежащих у входа, посередине – стол из ящика для бутылок. Все, что требовалось для ведения боевых действий, имелось.

Особенно мне нравились гранаты. Ими можно подавить огневые точки, то есть «доты», стоящие недалеко от шалаша, сделанные из разных веток и покрытые травой. Играя «в партизаны», все ребяташки, в том числе и я, хотели первыми подползти к этому «доту» и накрыть пулемет своей грудью. «Пулемет» беспрестанно строчил и не давал подняться. Нужно было встать во весь рост, успеть добежать до него и накрыть его своей широкой морской грудью, да так, чтобы тебя не настигла пуля, и он после этого замолкал. Замолкал он от «крови», она сочилась из «множественных ран», которые все-таки ты успел получить, добежав до него. По крайней мере, так каждый из нас представлял.

Это была кульминация боя. Подавление огневой стратегической точки означало победу. Все хотели быть похожими на Александра Матросова. Этот герой войны закрыл своим телом фашистский дот. Его знали все, от мала до велика в нашей деревне. Матросов был для нас, как для нынешних детей – Бэтман.

Васька в шалаше не было, значит, его нужно искать где-нибудь в лесу, который находился за речкой. Я добежал до пруда, остановился, посмотрел на воду, которая вытекала из трубы, подошел к ней, сунул руку в поток воды, набрал ее в ладонь и выпил.

Вода из нашей реки, наверное, самая вкусная, так как кругом бьют ключи. Поэтому не зря животным, особенно коровам, нравится пить ее чаще, чем колодезную. Ну, а мы, ребяташки, играя в индейцев, тем более, должны жить в гармонии с природой. Что мы и делали, поэтому никто и ничем из нас не болел.

Под трубой от потока воды образовался небольшой омут, и на его мелководье плавали маленькие рыбешки, пескари, гальяны, карасики. А в речке были еще и окуни, но они жили в определенных местах. Окунь любит места, где глубоко и чтобы рядом находился крутой берег, над которым нависали ветви ивы или коряги, торчащие из воды.

Решил: как найду Васька, уговорю его, чтобы прийти к пруду и решетом наловить рыбы, а бабушка из нее сварит уху. Повернул в переулочек и продолжил свой путь. Переулочек был так узок, что весь зарос лопухами, крапивой и коноплей, только тропинка показывала направление к лесу. Идя по ней, с веток яблонь нарвал ранеток и положил их в карман. Зашел в лес, по раз-

меру он небольшой, так что мне не составит труда в нем отыскать Васька. Поднялся на гору, на которой находился заброшенный песчаный карьер...

Я Саша Бабин, Валя и Нина Курьяновы, сродный брат Сергей Викулин, Толян Росляков-ребята нашего порядка.

Это еще одно секретное место ребятишек. Тут никто из взрослых за тобой не наблюдает, контроля нет, можно делать все, что захочешь. Не только стрелять из лука, рогаток, самострелов, но и положить на дно бутылки карбид, это такое химическое вещество, закупорить ее, встряхнуть и бросить подальше. Бутылка с горючей смесью через некоторое время взорвется, как настоящая боевая граната. Страх, конечно, есть.

Изготавливая такое взрывное устройство, можно и глаза повредить. Но адреналин брал над нами верх. Особенно, когда бутылку зароешь в песок, отбежишь, спрячешься за укрытие и ждешь момента взрыва. Такие кадры можно увидеть на экране, а тут наяву, притом, что сам причастен к этому процессу. Подавление страха пригодится в армии, когда призовут в ее ряды.

Служить в то время было почетно, не каждый молодой парень достаивался этой чести. Сейчас все наоборот: если не служил в армии, не отдал свой долг Родине, не защищал ее, как твой дед, отец, то ты самый «крутой парень» и не лох. Есть такое модное слово в лексиконе молодежи. Я еще вернусь к теме патриотизма, но сейчас у меня главная задача: найти Васька и поиграть с ним и с его компанией, а то время уже близится к полудню.

Я дошел до оврага, который тянулся с вершины горы по склону до огорода тети Нюры Рыжковой. Но и там брата не было. Придется возвращаться домой. По пути зашел в наш капустный огород, сорвал турнепс, который еще остался неубранным, помыл его в реке и стал, есть, идя по пути к дому. Подходя, увидел, что у нас открыты большие ворота, на скамейке сидят соседи. Зашел во двор, у крыльца тоже был народ. Непонятно, почему они все говорят шепотом.

том и лица грустные? Хотел зайти домой, но моя родная тетя Маша по отцовской линии меня остановила.

– Сашок, ты пока домой не заходи, сегодня будешь ночевать у нас, умерла баба Еня.

«Не может быть, чтобы баба Еня умерла... Она же не болела, сходила в баню, пару часов назад со мной разговаривала. Не могла она так просто взять и умереть. Люди так не умирают. Чтобы умереть, нужно заболеть, а тут без всякой причины взяла и умерла», – ответил я ей, не веря услышанному и не зная, что мне дальше делать.

Забрался на ступеньку лестницы, которая стояла у крыльца, наклоненная на стену дома, и стал наблюдать за всем происходящим. Это было для меня ново. В моей жизни это был первый близкий человек, который вот так взял и умер, не попрощавшись со мной и не поговорив. Если бы не ушел искать Васька, а был бы с ней рядом, то не дал бы бабушке умереть. Я бы ей посоветовал сделать физзарядку, помахать руками, присесть, побегать во дворе, и все – она бы снова стала здоровой. Делая зарядку, невозможно умереть, думал я, ища варианты, как оживить бабушку, и не веря, что она уже не будет больше жить в нашем доме. Из-за угла дома появился Васёк.

– Ты где был, я тебя нигде не мог найти, убежал, не дождавшись меня, – сказал он, показывая своим грозным видом, что он прав.

– Тебя искал.

– Сегодня мы все ночуем у тети Маши, так что никуда не уходи, – раскомандовался Васек.

– Я уже знаю.

К крыльцу подошел отец.

– Я договорился с мужиками на завтрашний день, они помогут выкопать могилу, только надо им показать место, – сказал он.

– Хорошо, сегодня им покажу, завтра будет некогда, похороним рядом с моим отцом, – ответил дедушка.

Все старались хоронить своих родственников поблизости, оградок на могилах ни у кого не было. Кладбище находилась недалеко от деревни, огорожено вокруг забором и разделялось ровом на две части. Одна из них, меньших размеров, предназначалась для захоронения старообрядцев и была с отдельным входом, другая – для всех остальных.

Старообрядцы, или, как их еще называли, двоедане, не ходили в церковь, а все свои и по-своему церковные обряды проводили в своих домах. Старшего, для проведения обряда, выбирали из своих же прихожан, так как священников у них нет. По церковным праздникам старший важно шел по деревне и на своих плечах нес небольшой деревянный крест. Он заходил в избу к своим же прихожанам, и там все верующие молились. Изба заменяла им церковь. Крест у двоедан был красивый, дату его изготовления никто не знал, ему было лет 300, а может и больше. Он передавался из поколения в поколение, они его берегли. У двоедан свои законы, у каждого имелась отдельная кружка, ложка и много всего, что отличало их от нас, так называемых, мирских. На кладбище они по нашей мирской территории не ходили. Как я раньше писал, у них имелся отдельный вход. Двоедане были немного грубоваты в общении, строги в воспитании своих детей, а так ничем не отличались от нас.

К их разговору присоединился дядя Володя Викулин:

– Федор, я помогу сделать гроб и крест, принес с собой рубанок.

Они пошли в столярку, я тоже решил им помочь и пошел за ними. Под крышей лежали доски, сложенные в стопку и переложенные тоненькими палочками между ними, так доски лучше просыхали.

Отец с дедушкой отобрали несколько досок и стали строгать. На помощь к ним подошли еще мужики и все по очереди стали обрабатывать доски, а из толстого бруска делать крест. Сделали замеры, доски сколотили гвоздями, получился ящик с крышкой, как для хранения

зерна, только меньших размеров. Доски пахли сосновой смолой, и я подумал, что хорошо будет в нем лежать бабушке Ене, потому что воздух будет, как в нашем бору.

Крест поставили около крыльца, а гроб занесли в дом, но меня в него не впустили.

– Зайдешь попозже, поиграй с кем-нибудь, – сказал дедушка, показывая своим видом, что ему сейчас не до меня.

Мне было интересно знать, что там происходит. Но ничего не поделаешь, взрослым видней, успею посмотреть. А пока поищу Васька, который вот недавно мелькал во дворе и уже куда-то исчез. Постоянно приходится его искать, как будто на голове у него шапка-невидимка.

На «порядке», так называлась у нас улица, его не было видно. Почему называются «порядками» улицы в нашей деревне, я объясняю. Со слов моего деда, они стали так называться тогда, когда первые переселенцы стали строить свои дома, и среди них назначался старший, который следил за всем.

А порядок должен был таков, что нельзя после дождя на лошади с запряженной телегой заезжать на улицу, так как можно траву примять и от колес оставить колею. Также нельзя было колоть дрова около своего двора, ты должен их расколоть в лесу, чтобы не было никаких щепок. Ребятишки бегали босиком по траве и могли повредить ноги.

В деревне назначался староста, он избирался на общем собрании всеми жителями на столбовом месте. Избирался общим голосованием. На эту должность выбирался уважаемый всеми авторитетный житель, который зарекомендовал себя как хороший хозяин, умевший вести свое хозяйство.

Столбовое место, это как Красная площадь в Москве. Только у нас ее заменяла поляна, на которой был в землю вкопан деревянный столб. Столб обозначал государственность на данной территории, к нему было обязано по всеобщему сбору прийти все взрослое население. Оповещение производилось очень просто: староста обходил старших по «порядкам» и их предупреждал, что в такое-то время нужно всем жителям собраться. Старшие уже по очереди оповещали всех живущих на «порядке».

На собрании решались разные вопросы: от надела земли вновь родившимся мальчикам (девочкам землю в то время не нарезали по причине того, что они выйдут замуж и у них будет земля мужа), так и другие дела. Дел у жителей много: вовремя нужно сделать на реках запруды, их весной размывало водой, обновить забор вокруг деревни, а он был в окружности несколько километров.

У каждой семьи был свой участок, длина его зависела от количества мужчин в семье. Если в семье три мальчика, то и длина забора была больше, чем для семьи, в которой были только женщины. Забор был из жердей и предназначен для того, чтобы скотина не выходила за территорию деревни. Вокруг были поля, засеянные пшеницей, рожью, овсом, гречкой, льном и другими зерновыми, и скот мог повредить посевы. В заборе имелось несколько ворот, чтобы удобно было выехать в любую сторону из деревни, их на ночь обязательно закрывали. Строго наказывали, если кто-то этого не сделает.

Решались вопросы и пожарной безопасности. В деревне имелся пожарный насос на конской тяге. Дежурили по очереди, каждой семье приходилось целые сутки охранять от пожара деревню. Дежуривший вечером и утром обходил всю деревню, держа в руках колотушку с привязанным к ней шнурком, на конце которого был деревянный шарик. Шарик ударялся о доску и раздавался резкий звук. Он был слышен жителям даже в доме. Это означало, чтобы люди не забывали потушить свечи и керосиновые лампы, печи и бани.

Бани топились по-черному, то есть печь для нагрева воды не имела трубы, дым шел прямо через дверь. Печь была сложена из красного кирпича с емкостью для воды. Топили ее долго, чтобы угарный газ весь вышел из помещения. Но никто не угорал, многолетний опыт сказывался. Такая баня, отличается от современной, в ней воздух с дымком и пар особенный.

Он заряжает тебя энергией да такой мощной, что ты неделю будешь чувствовать себя Ильей Муромцем.

Я выходил после мытья из бани, садился на лавочку в предбаннике и выпивал кружку квасу. Это было волшебное ощущение! Стены в предбаннике были сделаны из сплетенной ивы, через которую пробиваются не только лучи солнца, но и свежий ветерок, и ты понимаешь: вот оно – счастье быть русским!

Отец служил в Германии и говорил, что у немцев нет бани. А я никак не понимал, где же они тогда моются, в ванне что ли? Так в ней грязи подцепишь больше, чем до мытья. Наверное, немцы хотят захватить нашу землю, чтобы помыться в наших банях, их вши кусают и ими руководят. А может быть, завидуют нам, что мы такие чистые, а не грязнули, как они. Правильно дедушка с ними воевал, а то бы сейчас пришли на нашу землю, нас всех, русских, своими вшами заразили. В общем, грязнули эти европейцы. Они, как мальчик, который не любил по утрам умыться в стихотворении про Мойдодыра, про которого мне бабушка читала.

Знаете, что такое русский квас? Это вам не пепси-кола или фанта какая-нибудь. И не тот квас, который сейчас в супермаркетах в пластмассовых бутылках продается. Это божественный напиток! Изготовление его держалось в каждой семье под секретом. Я вам часть секрета расскажу.

Во-первых, нужны будут жернова. Это деревянный пенек размером пятьдесят сантиметров в ширину и двадцать в длину. Наверху его находится металлический короб для засыпки пшена. Внутри, чуть меньшего размера, помещался еще один пенек, обитый металлом, но уже с ручкой. На дне имелись вбитые кусочки чугуна, их было столько много, что если на них смотреть, то они напоминали мне шкуру лесного ежа. Вовнутрь засыпалась рожь, и, когда крутишь верхний пенек, взявшись за ручку, рожь перемалывается в муку.

Это занятие мне очень нравилось. Особенно нравилось смотреть, как зерно в какие-то минуты превращается в муку, и изба заполняется шоколадным запахом. После помола муку насыпали в большой чугунок, заливали колодезной водой и ставили в уже протопленную русскую печь томиться. Такая процедура растягивалась на неделю. Затем однородную ржаную массу вынимали, клали в двухведерный металлический эмалированный бачок и заливали водой. Для аромата добавляли ветки сушеной или свежей лесной вишни. Квас помещали в погреб, и он два дня там настаивался. Есть еще кое-какие нюансы, но секрет есть секрет.

Отвлек я вас от главного события – похорон прабабушки...

Я вернулся обратно во двор и сел снова на ступеньку лестницы. Подходили соседи – попрощаться с ней. Решил тоже зайти в дом, посмотреть, что там происходит. Я не знал страха смерти, и все происходящее казалось мне игрой, только взрослой.

В горнице, в стоящем на табуретках гробу лежала баба Еня, накрытая белым материалом. Около божницы горели свечи и лампадка, в доме пахло богородской травой. Эту траву заготавливали, в основном, бабушки и хранили у себя в сенцах. Наверное, без ее присутствия было не обойтись, ведь молитвы, которые читаются во время похорон, быстрее доходят до небес.

Бабушка Александра, наша соседка, читала молитву, перелистывая свою старинную книгу в обшарпанных корочках. Молитвенных книг у бабушки Александры было много, как и икон. Некоторые иконы были таких больших размеров, что, заходя к ней в избу, мне становилось страшно. Казалось, что все люди, нарисованные на иконах, смотрят только на меня и ни на кого больше, да так грозно, что вот-вот спросят: «Будешь слушаться родителей, не будешь больше баловаться?» Бабушка Александра была местной попадьей, церковь в силу политических причин была давно закрыта. Иконы жители деревни разобрали по домам, часть их хранилось у нее. Они были развешаны везде, где было можно, даже висели в сенцах. Мне приходилось частенько бывать у нее в гостях, принося бабушкины пирожки на божественные праздники. Я быстро забежал в ее избу, отдавал булочки и пулей выскакивал, думая, что люди,

нарисованные на иконах, меня схватят. Бабушка не успевала даже ничего спросить, так мой страх брал свое. Наверное, было за что, так как я много проказничал.

Посмотрел на все происходящее в доме и вышел на улицу, где увидел Ваську со своим лучшим другом Ваней Рыжковым. Во дворе было много народу, все тихим голосом говорили о бабушке Ене, что была она доброй, светлой женщиной. Обсуждали ее смерть, мол, такой спокойный уход из нашего мира и есть счастье. Господь награждает таким способом только тех людей, которые достойно прожили жизнь, без злобы и зависти.

К ним присоединилась бабушка Таня. Ее спросили, как все произошло? Она рассказала, что утром баба Еня почувствовала себя плохо и попросила истопить баню, объяснив, что всякое может быть и хочется умереть чистой. Бабушка ей сказала, чтобы она выпила таблетку и ей станет легче. Баба Еня отказалась, ответив, что в жизни их не пила и не будет портить желудок. Таблетки называла мелом, наверное, потому, что они были схожи по цвету.

Я понял, почему бабушка Еня так поступила: попросила позвать к себе бабу Мотю, не хотела меня пугать, когда ей стало плохо. После этого рассказа мне стало еще жальче бабу Еню. И почему я раньше вел себя, как ребенок, не закрывал дверь в избу, и ей постоянно приходилось вставать с кровати и закрывать вместо меня. Спорил по всяким пустякам и обижался, что она меня называла Шуриком, а не Сашей.

Хотя я и был тогда маленьким, но хорошо запомнил эту смерть. Так бабушка дала мне своим уходом из жизни важный урок, как нужно жить – без злобы, зависти и гордыни, радоваться и довольствоваться тем, что у тебя в настоящее время есть.

Время подошло готовиться ко сну. Осенью быстро темнеет, и мы с Васьком, пошли к тете Маше спать. Проснувшись утром, тетя Маша нас покормила, и мы, чтобы не опоздать к процессии похорон, побежали к своему дому. У двора уже находились люди, из города Кургана приехали родственники, все вокруг суетились, обсуждали, кто понесет гроб, крест и сумку с пшеницей, которая находилась в руках бабы Сани Есиной, нашей соседки. Я видел раньше похороны, но не обращал внимания, зачем нужна пшеница для этого мероприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.